

Рагулина Милана Владимировна**Ragulina Milana Vladimirovna**

доктор географических наук,
ведущий научный сотрудник лаборатории
георесурсоведения и политической географии
Института географии им. В.Б. Сочавы
Сибирского отделения Российской академии наук,
профессор кафедры географии,
безопасности жизнедеятельности и методики
Педагогического института
Иркутского государственного университета

D.Phil. in Geography,
Leading Research Associate,
Laboratory for Geographic Resource Studies
and Political Geography,
Sochava Institute of Geography,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Professor, Department of Geography,
Health and Safety, Pedagogical Institute of
Irkutsk State University

ПОДХОДЫ ПОВЕДЕНЧЕСКОЙ ВРЕМЕННОЙ ГЕОГРАФИИ В ИССЛЕДОВАНИИ ЭТНОСОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ (НА ПРИМЕРЕ ЭВЕНКОВ ТАЙГИ)

APPROACHES OF BEHAVIORAL TIME GEOGRAPHY TO THE STUDY OF ETHNIC AND SOCIAL TRANSFORMATIONS (CASE STUDY OF TAIGA EVENKI)

Аннотация:

Поведенческая временная география – интердисциплинарное течение, сложившееся на стыке социологии пространства, экологической социологии, средовой психологии, гуманистической географии, пространственного анализа, является перспективным подходом в изучении социопространственных отношений. Значительный рост интереса к временной географии в рамках поведенческого направления, отмеченный в последние годы среди социологов и гуманитарных географов незападных стран, объясняется ее высоким методологическим и методическим потенциалом. Возможности пространственно-временных подходов, очерченных на заре становления поведенческой географии, позволяющая изучать общественные трансформации с позиции сциентистской и гуманистической парадигм, которые в этом контексте взаимодополнительны. Автором в постановочном плане намечены перспективы применения данных методов для исследования этнокультурных и этносоциальных трансформаций.

Ключевые слова:

социология пространства, поведенческая география, временная география, гуманистический пространственный подход, геоинформационные методы, информационно-коммуникационные технологии, этносоциальные трансформации, коренные малочисленные народы Сибири.

Summary:

Behavioral time geography is an interdisciplinary course that includes methods of the sociology of space, ecological sociology, environmental psychology, humanistic geography, and spatial analysis. Behavioral time geography is a promising approach to the study of society and space. In recent years, there has been a tendency to the increased interest in time geography within behavioral area among sociologists and humanistic geographers of non-Western countries. This fact can be explained by its high methodical capacity. The possibilities of space-time approaches at the beginning of the behavioral geography formation allow one to study social transformations from the standpoint of scientific and humanistic paradigms which are mutually complementary. These methods can be applied to the study of ethnic and cultural and ethnic and social transformations.

Keywords:

sociology of space, behavioral geography, time geography, humanistic spatial approach, geographical information technologies, information and communication technologies, ethnic and social transformations, indigenous minorities of Siberia.

Формирование поведенческой географии связано с количественной революцией 1960-х гг., когда появилась принципиальная возможность моделировать социопространственное поведение. С этого времени шло накопление эмпирических данных, совершенствовались методы их обработки, расширялись междисциплинарные взаимодействия, в пространственную сферу исследования вошло время. В итоге оформились два взаимосвязанных крыла: первое, сциентистское, ориентированное на объектную фиксацию рисунка поведенческих паттернов и количественную аналитику, и второе, гуманистико-феноменологическое, сферой интересов которого стали субъективные смыслы, проблематика повседневности и интересубъективных отношений в пространственном аспекте [1].

Временная география (time geography) – одно из стержневых направлений поведенческой географии, изначально содержала интегративный потенциал, сочетая в понятии пространственно-временных ритмов интересубъективные и объективные темы [2]. Она фокусировалась на раскрытии дискурсивной природы диалога «сообщество – личность – среда», географии телесности, выраженной в объективном перемещении человека в пределах дневного пути и жизненного цикла, изу-

чала проблемы социального взаимодействия в контексте пространственно-временных возможностей и ограничений. Ключевые понятия временной географии: «станции» – места значимых событий, «узлы деятельности» – встреча совместно действующих субъектов, а также лимитирующая создание и распад новых узлов деятельности на станциях триада факторов: предел возможностей (физический), особенности коммуникаций, социальные (нормативные) ограничения. С помощью этих категорий формализуются пространственно-временные закономерности поведения сообщества, метафорически обозначенные как «хореография жизни» [3].

Временная география в современной науке часто рассматривается как сциентистское направление, хотя, как мы показали в ходе краткого экскурса ее становления, ей не чужды феноменологические установки. Поэтому вслед за Р. Голледжем мы употребляем термин «поведенческая временная география», разграничивая бихевиористский (преодоленный дисциплиной уже к 1970-м гг. методологический уровень) и бихевиоральный, включающий элементы социологической теории структуризации, гуманистические и когнитивно-географические подходы [4].

Поведенческая временная география позволяет соотнести динамику поведения общности людей и отдельных индивидов с конкретными территориально-пространственными ячейками, проанализировать особенности пространственной организации социальных систем, что, согласно Э. Гидденсу, является фундаментальной задачей социологии [5]. Рассматривая композицию общества, он отмечал исключительную роль пространственно-временных рамок, манипуляции ими для становления управляемых видов социальных взаимодействий. Современное развитие поведенческой временной географии характеризуется широким использованием геоинформационных технологий – основного средства визуализации и моделирования поведения в окружающей среде.

В поведенческой временной географии сочетаются «язык геометрии» геоинформационных систем и язык социальных наук, которые интерпретируются как непересекающиеся, параллельные дискурсы, «связанные многими потоками, проецируемыми друг на друга, но никогда не сливающиеся; эта двойственность нигде так не очевидна, как в поведенческой временной географии» [6, р. 1563]. Несмотря на различия лежащих в их основе методологических оснований, взаимная корреляция естественно-научных и гуманитарных методов обусловила популярность практически ориентированных пространственно-временных подходов в Китае и Японии [7]. Сферами приложения поведенческой временной географии стали криминальные проблемы, исследование пространственной активности групп социального риска, бедность, изучение активности и предпочтений потребителей, транспортные сети, гендерные вопросы, проблемы социального неравенства и доступа разных слоев населения к ресурсам.

Потенциал данных подходов может быть реализован на примере изучения этнокультурных и этносоциальных трансформаций традиционных сообществ – коренных малочисленных народов Сибири. Этносы, сформированные в тесном и неразрывном контакте с природной средой, одухотворяющие ландшафт, имели четкие пространственно-временные рисунки жизненного цикла, настроенные с природными ритмами, этническими образами мира, времени и себя в мире.

Исследования эвенков Прибайкалья подтвердили сложившееся в отечественной этносоциологии мнение о «пространственности» традиционного образа жизни. Обозначим его основные характеристики. Кочевой образ жизни эвенков до начала трансформации, связанной с вовлечением в экономическую систему российского государства, характеризовался относительно небольшой амплитудой передвижений. Община, как социальный институт, регулировала социальные контакты и практики природопользования. Переход к пушному промыслу вызвал смещения в годовом цикле: ареалы добычи мехов значительно расширились, при сокращении локусов собирательства, рыболовства, потребительского промысла произошла временная фрагментация хозяйственного года. Для эвенков XVIII–XIX вв. были характерны два (в экстремальные годы – три) периода продолжительного и удаленного от постоянных стойбищ «пика» пушного промыслового кочевания, перемежаемые тремя периодами относительной оседлости с четко адаптированной к состоянию природной среды сменой угодий разного функционального назначения. Регулятором социальной жизни по-прежнему оставалась кочевая община, но уже подчиненная распоряжениям инородных управ, которые начинают отслеживать местонахождение эвенков, вести их учет. Пространственно-временные ритмы традиционного образа жизни подвергаются изменениям, которые усиливаются с установлением контактов между эвенками и русскими крестьянами. Коллективизация эвенков в корне изменила пространственно-временную ритмику образа жизни. Хотя община сохранила некоторые формальные функции социальной регуляции, репрессии в отношении шаманов и кулаков, директивный характер отношений с администрацией подорвали ее единство. Вместо соразмерного природным и культурным ритмам образа жизни извне навязывался пространственно-временной порядок, резко контрастировавший как с экологическими, так и с социокультурными характеристиками этноса.

С помощью поведенческой временной географии можно детально проанализировать структурные паттерны «новой повседневности», роль политических и аккультурационных про-

цессов в территориальном рисунке социума. Этот период резких разрывов традиции и непродуманных перемен отражен в дисгармоничном характере локусов с избыточной концентрацией деятельности в местах оседлости и исключением из сферы деятельности сакральных мест, «населенных» родовыми духами.

Период постсоветских трансформаций еще более показателен в плане выявления социопро пространственных связей: можно констатировать дальнейшую редукцию ареалов традиционного хозяйства, возрастание бюрократической зарегулированности традиционного природопользования, рост числа и разнонаправленность интересов акторов, вовлеченных в социальное взаимодействие. Община претерпевает окончательную трансформацию, из регулятора жизни в формальную «некоммерческую» организацию, подчиненную уставу, с официальным членством. Информационно-коммуникационные технологии еще больше «фрагментируют» пространство. Два кардинально различных типа пространства «поселок» и лес» создают два разных стиля жизни со своими ценностями, поведенческими паттернами и ограничениями [8].

Поведенческие пространственно-временные подходы в исследовании этносоциальных трансформаций:

- проследить в хронологическом контексте институциональные изменения социума, «привязанные» к конкретным локальностям;
- перейти от точечной статической к ареальной динамической картине локализации людей и объектов в пространстве;
- исследовать конкретику взаимодействия субъективного опыта с объективными условиями жизни индивида/сообщества и визуализировать результаты в трехмерном пространстве;
- рассмотреть динамику социопро пространственных взаимосвязей;
- выявить «ландшафт» сочетания социокультурных и экономических практик сообщества.

Подходы поведенческой временной географии к изучению этносоциальных трансформаций традиционного образа жизни коренных народов в настоящее время могут обеспечить получение новых методов и результатов исследований.

Ссылки:

1. Buttimer A. Grasping the Dynamism of Lifeworld // *Annals of the Association of American Geographers*. 1976. Vol. 66, no. 2. P. 277–292.
2. Hägerstrand T. Action in the Physical Everyday World // *Diffusing Geography: Essays for Peter Haggett* / eds.: A.D. Cliff, P. Gould, A. Hoare, N. Thrift. Oxford, 1995. P. 35–45.
3. Pred A. The Choreography of Existence: Comments on Hägerstrand's Time-Geography and its Usefulness // *Economic Geography*. 1977. Vol. 53, no. 2. P. 207–221. <https://doi.org/10.2307/142726>.
4. Golledge R.G. Behavioral Geography and the Theoretical/Quantitative Revolution // *Geographical Analysis*. 2008. Vol. 40, no. 3. P. 239–257. <https://doi.org/10.1111/j.1538-4632.2008.00724.x>.
5. Гидденс Э. Устройство общества: очерк теории структуризации : пер. с англ. 2-е изд. М., 2005. 528 с.
6. Couclelis H. Rethinking Time Geography in the Information Age // *Environment and Planning*. 2009. Vol. 41, no. 7. P. 1556–1575. <https://doi.org/10.1068/a4151>.
7. Chai Y. Space-Time Behavior Research in China: Recent Development and Future Prospect: Space-Time Integration in Geography and GIScience // *Annals of the Association of American Geographers*. 2013. Vol. 103, no. 5. P. 1093–1099. <http://dx.doi.org/10.1080/00045608.2013.792179>.
8. Алехин К.А. Некоторые вопросы коммуникативной культуры таежных эвенков // *Гуманитарные науки в Сибири*. 2000. № 3. С. 36–42.

References:

- Alekhin, KA 2000, 'Several issues of the communicative culture of the taiga Evenks', *Gumanitarnyye nauki v Sibiri*, no. 3, pp. 36–42, (in Russian).
- Buttimer, A 1976, 'Grasping the Dynamism of Lifeworld', *Annals of the Association of American Geographers*, vol. 66, no. 2, pp. 277–292. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8306.1976.tb01090.x>.
- Chai, Y 2013, 'Space-Time Behavior Research in China: Recent Development and Future Prospect: Space-Time Integration in Geography and GIScience', *Annals of the Association of American Geographers*, vol. 103, no. 5, pp. 1093–1099. <http://dx.doi.org/10.1080/00045608.2013.792179>.
- Couclelis, H 2009, 'Rethinking Time Geography in the Information Age', *Environment and Planning*, vol. 41, no. 7, pp. 1556–1575. <https://doi.org/10.1068/a4151>.
- Giddens, A 2005, *The constitution of society. Outline of the theory of structuration*, 2nd ed., Moscow, 528 p., (in Russian).
- Golledge, RG 2008, 'Behavioral Geography and the Theoretical/Quantitative Revolution', *Geographical Analysis*, vol. 40, no. 3, pp. 239–257. <https://doi.org/10.1111/j.1538-4632.2008.00724.x>.
- Hägerstrand, T, Cliff, AD, Gould, P, Hoare, A & Thrift, N (eds.) 1995, 'Action in the Physical Everyday World', *Diffusing Geography: Essays for Peter Haggett*, Oxford, pp. 35–45.
- Pred, A 1977, 'The Choreography of Existence: Comments on Hägerstrand's Time-Geography and its Usefulness', *Economic Geography*, vol. 53, no. 2, pp. 207–221. <https://doi.org/10.2307/142726>.